

М. И. Ломакина, Е. А. Полева. Школьные фантастические повести о «попаданцах» в советское прошлое: специфика культурно-исторической памяти

Научная статья
УДК 82:81-26, 82:801.6
DOI 10.18101/2686-7095-2024-1-63-71

ШКОЛЬНЫЕ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ О «ПОПАДАНЦАХ» В СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ: СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

© **Ломакина Марина Ильинична**

аспирант,
Томский государственный педагогический университет
Россия, 634061, г.Томск, ул. Киевская, 60
hfsdg@rambler.ru

© **Полева Елена Александровна**

кандидат филологических наук, доцент,
Томский государственный педагогический университет,
Россия, 634061, г.Томск, ул. Киевская, 60
tspu-litera@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена выборка художественных произведений начала XXI в., соответствующих основным характеристикам жанра фантастической школьной повести о «попаданцах» в советское прошлое и позволяющих анализировать разные аспекты памяти у авторов и «постпамяти» (М. Хирш) у юных персонажей произведений. Способами проявления авторской культурно-исторической памяти в повестях Т. Крюковой, А. Жвалевского, Е. Пастернак, А. Ремиз являются речевые особенности персонажей, в том числе использование советизмов, эмоциональная модальность освещения социальных правил поведения, принятых в советском обществе 1980-х гг., характеристика материально-технической культуры (одежда, вещи, средства связи и пр.), социальных и геополитических контекстов. Анализ повестей позволил установить, что все авторы соединяют два принципа изображения эпох: контраст и параллелизм. На контрасте высвечиваются стереотипы и особенности исторических периодов (1980-х и 2000-х гг.), различие детей современной России и Советского Союза. Параллелизм же связан с проявлением в поведении персонажей вечных гуманистических ценностей (дружба, сострадание, взаимовыручка, справедливость), которые сохраняются в разных исторических и социокультурных контекстах и составляют опору для выстраивания отношений и самоопределения персонажей-подростков.

Ключевые слова: память, постпамять, советское прошлое, «попаданцы», культурно-исторический образ времени, фантастическая школьная повесть, современная детская литература.

Для цитирования

Ломакина М. И., Полева Е. А. Школьные фантастические повести о «попаданцах» в советское прошлое: специфика культурно-исторической памяти // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 1. С. 63–71.

Интерес современных писателей к проблеме культурно-исторической памяти активно проявляется в их творчестве. В детской литературе начала XXI в.

в основном уделяется внимание историческим событиям, ставшим, по мнению О. Ю. Багдасарян, «коллективной травмой»: репрессии, депортация, Вторая мировая война, оккупация, блокада, эвакуация, межнациональные конфликты [1].

Общая цель этих произведений заключается в том, чтобы дать ребенку «лекарство» от исторического беспомощства, помочь ему, по словам Т. Холостовой, «осмыслить недавнее прошлое и сделать выводы, избежав новой неправды его полного отрицания» [14]. М. Хирш предложила термин «постпамять», который «описывает, какое отношение имеют последующие поколения к личным, коллективным и культурным травмам, к изменениям, которым подверглось поколение предыдущее; к тому, что они “помнят” только благодаря историям, образам, поведению людей, среди которых они выросли. Процесс передачи информации происходит на таком глубоком эмоциональном уровне, что начинают создаваться собственные воспоминания» [13].

Память о советском прошлом включает в себя не только знания о травматическом опыте, но и об обычной социально-бытовой и культурной жизни советского детства. Современные дети, как правило, получают обрывочные представления о том, как жили их бабушки и дедушки, папы и мамы. Рассказы взрослых, в какие игры они играли, как общались, что читали, что ценили, как учились, не всегда создают полновесный и завершённый образ, на основе которого может сформироваться «постпамять» и преемственность поколений. На заполнение этой лакуны ориентирован активно развивающийся в последнее время жанр школьной фантастической повести о «попаданцах», в основе которого лежит сюжет перемещения во времени.

Лексемы «попаданчество», «попаданец» начали активно употребляться в 2000-х гг. на читательских форумах, и лишь затем — в критических и научных работах, посвященных фантастической литературе. Причем интерес отечественных исследователей к «попаданчеству» все возрастает, что объяснимо увеличением объема современных произведений, сюжет которых строится на перемещении персонажа в иное время и (или) пространство. Отметим работы таких авторов, как М. С. Галина, К. Королев, А. М. Лобин, Д. В. Новохатский, Л. Фишман, К. Фрумкин [3; 6; 8; 9; 11; 12] и другие.

Так как литературное «попаданчество» на материале новейшей литературы исследуется относительно недавно, пока нет точности в его определении. В основном «попаданчество» интерпретируют как особый жанр фантастической литературы, «попаданец» — центральный персонаж произведений этого жанра. Например, Н. С. Иващенко пишет: «Попаданчество — неофициальное название жанра литературы и кино, в котором главный герой попадает чудесным образом в другой мир или в другое время, где и происходят его приключения» [5]. Д. В. Новохатский считает, что это «гибридный жанр фантастической литературы, существующий на стыке традиционных фантастических жанров, — путешествия во времени (темпоральной фантастики, хронооперы) и альтернативной истории» [9, с. 11]. На наш взгляд, корректнее говорить о жанровых вариантах, а не объединять все произведения, построенные на приеме «попаданчества» в один жанр.

Нас интересует школьная фантастическая повесть о «попаданчестве» в советское прошлое. Её атрибутивные признаки таковы:

- как правило, «попаданец» — типичный человек своей среды, лишенный качеств исключительности;

- перемещение персонажа происходит мгновенно и внезапно для него, к изменениям он не готов и вынужден ориентироваться и самоопределяться в чуждой социокультурной среде и историческом времени;

- у персонажа есть опыт существования в своем пространстве-времени и знание будущего (относительного того времени, в которое он попал), что дает ему преимущества;

- в отличие от других жанровых разновидностей «попаданчества» здесь не дается альтернативной версии истории, у персонажей отсутствует цель поменять ход глобальных событий.

Целевые установки многих авторов для детей объясняются цитатой из интервью, которое дали Евгения Пастернак и Андрей Жвалевский, авторы попаданческой повести «Время всегда хорошее». Е. Пастернак вспомнила о зарождении идеи произведения: «Я Сашке (дочери — М. Л., Е. П.) долго рассказывала-рассказывала, а потом подумала: прикольно было бы написать, как она попала в мое детство, и что бы она там делала со своей независимостью суждений и характером...» [2].

В жанре «попаданчества» (детей и подростков из советского прошлого в современность и наоборот) написаны: «Повторение пройденного» (2008) Т. Крюковой, «Время всегда хорошее» (2009) А. Жвалевского и Е. Пастернак, «Мальчик из будущего» (2016) В. Поселягина, «Кошка с Юпитера и позвоночные» (2018) А. Ремиз, «Каникулы в прошлое» (2021) И. Самариной, «Возвращение “Пионера”» (2021) Ш. Идиатуллина, «Оля-ля из шестого отряда» (2023) А. Кокшаровой. Этот ряд свидетельствует об активном развитии в первые десятилетия XXI в. литературно-тематической тенденции, выражающей ностальгию авторов и стремление пробудить интерес современных подростков к советской эпохе.

Все эти произведения актуализируют разные аспекты памяти у авторов и постпамяти у юных читателей, а также точки сближения или контраста двух эпох. При этом постпамять в произведениях этого жанра «работает» несколько иначе, чем описала М. Хирш. В ее работах объясняется, что часть информации о прошлом интерпретируется поколениями потомков как собственные воспоминания. В текстах про «попаданцев» дети реактуализируют воспоминания о советской эпохе своих родителей. В зону внимания авторов попадают материально-бытовая среда, социальное устройство и коммуникация в семье, социальных институтах (школа, санаторий); научно-технический и культурный контекст, установки и ценности советского и современного общества.

Остановимся подробнее на повестях Т. Крюковой (род. в 1953) «Повторение пройденного», А. Жвалевского (род. в 1967) и Е. Пастернак (род. в 1972) «Время всегда хорошее» и А. Ремиз (род. в 1980) «Кошка с Юпитера и позвоночные».

Главные герои всех трех произведений (10–12 лет) случайно попадают в 80-е гг. XX в. («Время всегда хорошее» — в 1980, «Повторение пройденного» — в 1982, «Кошка с Юпитера и позвоночные» — в 1984). Выбор именно этого промежутка времени для перемещения может быть объяснен тем, что это последнее десятилетие Советского Союза, время, в котором родители персонажей-подростков, как и

сами авторы (исключение Т. Крюкова, принадлежащая к более старшему поколению), были детьми. Кроме этого, А. Ремиз приурочивает год перемещения к выходу на экран фильма «Гостя из будущего» по книге Кира Булычева «Сто лет тому вперед», явно демонстрируя таким образом интертекстуальную связь произведений.

Авторы повестей воссоздают культурно-исторический образ времени через речь персонажей: лексикон детей и взрослых 1980-х гг. изобилует «советизмами», то есть словами и выражениями, обозначающими реалии советского прошлого, передающими культурно и социально значимую информацию, которая не понимается современными подростками. А. Жвалевский и Е. Пастернак больше, чем другие авторы, работают с «идеологемами» и речевыми штампами, соотносящимися не только с конкретным временем 1980-го года, но и с советской эпохой в целом («кур выбросили», «холодная война», «совет отряда», «империалисты», «религиозный дурман», «шефская помощь» [4], а Т. Крюкова и А. Ремиз — с подростковым сленгом, непонятным попаданцам в прошлое («банан» огрёб» [7], то есть получил двойку, «зыка», то есть здорово, отлично, «шубись», то есть “берегись”) [10, с. 67] и т. д.). Однако не только современные подростки не понимают советских, но и наоборот. Сленг и реалии материальной культуры и социума XXI века непонятны советским людям («написала в личку», «комп», «качать через торренты», «антивирь», «работать по лизингу» [4]; «пиарщик» [10], «калькулятор», «мобильник» [7] и др.). Речь школьников XX и XXI веков проявляет технологическую и социокультурную разницу двух эпох. «Прикинь? Каменный век! Даже мобильников ещё нет», — восклицает «попаданец» из повести Т. Крюковой [7, с. 81].

Во всех трех повестях в изображении жизни 1980-х гг. проявляются темы дефицита и усредненности. Но эмоциональная модальность освещения советского «каскетизма» и формализованности у авторов разная. У А. Жвалевского и Е. Пастернак советский быт в восприятии подростка XXI в. можно обобщенно охарактеризовать словами «бедно, убого»: «Вместо компа — груды книг на столе», вместо красивой желтой кухни — «белое убожество», некрасивая одежда на маме («черные юбки, бесформенные пиджаки» [4, с. 49–50]).

При этом авторы всех трех повестей дают и иную точку зрения — не человека из XXI в. на советское время, а, наоборот, советского человека на современный мир и/или на «попаданца» из будущего. Во всех трех произведениях акцентируется восприятие ярких, не соответствующих советской стилистике вещей «попаданцев» как чего-то уникального, что отличает их владельца от остальных. Это вроде бы не снимает тему «блеклости» советского быта по сравнению с современностью, но высвечивает иное настроение, подчеркивает способность советских детей к независливому восхищению (правда, и недобрая зависть тоже проявляется — в повести А. Ремиз соседка по палате своровала вещи «попаданца» Маруси). У Т. Крюковой: «Девчонки рассматривали Настю со всех сторон и наперебой стрекотали, как довольные сороки:

- Хипповый сарафанчик. Батничек тоже здоровский. Ой, девочки, смотрите, какой ранец. Я тащусь. С рук купили?
- Нет, в магазине, — помотала головой Настя.
- Понятно. На чеки? В “Березке”? [7, с. 87].

Отметим, что приведенный отрывок не может быть понят современным подростком без «переводчика», который сможет объяснить, что значит «на чеки», что «Березка» — единственное место, где можно купить яркую одежду, обычную для XXI в. В этом специфика изучаемого жанра: в ряде случаев авторы, понимая лингвокультурологические отличия поколений детей двух временных пластов, дают комментарии внутри текста (персонаж из XX в. или повествователь дает объяснение), но не всегда, вероятно, рассчитывая, что читатель-подросток обратится за помощью в понимании слов к родителю или сети Интернет. Сам сюжетный ход — перемещения в 1980-е годы — предполагает, что персонаж-подросток получит впечатления, которые впоследствии станут его собственными воспоминаниями, и непонятное разъяснится через погружение в культурно-исторический контекст.

Повести включают многие, ставшие стереотипными, представления о советской эпохе: это время, когда между Россией и соседними странами не было границ, была одна страна СССР, однако за рубеж можно было поехать только избранным, и это считалось счастьем; «жвачка была не средством от кариеса, а предметом роскоши и вождения любого мальчишки и девчонки» [7, с. 111]. Маруся, героиня повести А. Ремиз, поняв, что она в прошлом, пытается вспомнить, что ей говорили про него родители: «Да ведь здесь, получается, нет Интернета. То есть даже компьютера нет! И мультфильмы только по выходным, советские. Все носили красные галстуки, пели песни у костра... — это говорил папа. Все стояли в очередях, есть было нечего, и кругом все было одинаковое, — это говорила мама. А что еще там было? Надо было лучше слушать. Ведь теперь эта дремучая старина, по крайней мере, на две недели станет ее домом...» [10, с. 44]. То, что советская эпоха — время однообразия, проявляется и у других авторов: «Девочки были, как одна, одеты в коричневые платья и черные фартуки, а мальчики в синие костюмы. На груди у каждого красовался красный галстук», «Учебник у всех один» [7, с.71]. Современные дети попадают в мир других социальных правил, более формализованной школьной жизни.

В произведениях также показаны изъяны идеологического фанатизма отдельных представителей советской образовательно-воспитательной системы. В повести «Время всегда хорошее» его проявление обуславливает сюжетную линию одного из персонажей и служит раскрытию характеров двух центральных героев. Женя, ученик советской школы, приносит после Пасхи кулич и угощает одноклассников. Причем в его представлении это просто «булка». Но администрация школы интерпретирует поступок именно как проявление веры, что, с их точки зрения, недопустимо. От Жени требует публичного покаяния и осуждения бабушки. За неповиновение ученика планируют исключить из пионерской организации, вызывают его родителей и им тоже грозят большими неприятностями на работе, вплоть до исключения отца из партии. У Т. Крюковой «попаданцы» решают продать несколько своих вещей, понимая, что у них нет денег советского образца, и питаться им не на что. Но их предприимчивость оценивается как спекуляция и жестко порицается.

В социальном мире 1980-х гг., с одной стороны, люди открыты друг другу, готовы прийти на помощь, с другой — испытывают страх перед авторитарными

представителями администрации школы, нянечками в санатории, их пугает несоответствие «попаданцев» установленным нормам, так как это порицаемо и наказуемо. Например, когда Оля («Время всегда хорошее») призналась, что не помнит слова пионерской клятвы и «кто такие пионеры», испуганная подружка советует никому об этом не говорить. Смысл совета понятен взрослому читателю, чье детство прошло в СССР, в отличие от современного подростка, в опыте которого отсутствует безусловное, предъявляемое государством и социумом требование знать определенный объем информации, проявлять априорное уважение к кому или чему-либо. Маруся («Кошка с Юпитера и позвоночные») не понимает, почему все соседки по санаторской палате с ужасом и удивлением наблюдают, как она нарушает запрет нянечки: не ходить в туалет во время сон-часа и ночью. Современный ребенок не верит в возможность наказания за то, что проступком не является.

Практически все повести проявляют несовпадение ценностей и идеалов двух эпох: то, что является гордостью для человека XXI в., в советское время порицается. Например, в повести Т. Крюковой «попаданец» из XXI в. Антон честно отвечает директору советской школы, что его отец — бизнесмен, занимается торговлей с другими странами, но это вызывает не уважение и восхищение, а воспринимается как признание в чем-то постыдном, отец интерпретируется как «фарцовщик». Директор школы готов извинить подростка за признание («родителей не выбирают»), он уверен, что отец-торгаш — это несчастье, которое требует вмешательства коллектива для исправления судьбы Антона, и обещает, что коллектив сделает все, чтобы Антон вырос достойным человеком и стал «полезным членом общества» [7, с. 150].

Критика советского времени не является самоцелью авторов, более того, формально-идеологический контекст помогает ярче, на контрасте высветить позитивные стороны советской жизни. События, которые помогают героям пройти испытания и проявить нравственный потенциал, связаны как раз с достоинствами, положительными атрибутами времени. Во всех трех повестях основными характеристиками персонажей из 1980-х гг. является открытость и готовность к взаимовыручке. Именно в этом времени Оля («Время всегда хорошее») учится живому общению, любви, дружбе, взаимопомощи. Другой герой повести Витя Шевченко, попав из этого времени в 2018 год, помогает новым одноклассникам и взрослым, вспомнить, что такое быть вместе, что такое друзья, так как в его времени это важная ценность. То же отмечает и А. Ремиз, и Т. Крюкова: советские школьники умеют выстраивать межличностные отношения, одноклассники стремятся помочь новеньким — отправить в свое время или подтянуть в учебе. В повести Т. Крюковой Антон удивляется вниманию одноклассников к своим проблемам: «Слушай, им что, делать нечего, оставаться после уроков? <...> вы же меня совсем не знаете». На что получает ответ от своего будущего папы: «Ну и что? Ты ведь в нашем классе. Значит, мы должны по-товарищески друг другу помогать» [7, с. 78].

У А. Ремиз главный герой Маруся именно в прошлом находит настоящих друзей, которые поверили, что она из будущего, помогли ей вернуться. Отметим, что А. Ремиз соединяет «попаданчество» с еще одной популярной в современной подростковой литературе темой — «дисабилити». Среди нового окружения Маруси — дети-инвалиды, и она понимает, что их оценивают не по внешности и

способностям, а по душевным качествам. Прикованный к постели мальчик не ограничен в общении, начитан, умен, у него есть друзья, и именно он организует помощь Марусе в возвращении в свое время.

В повестях о «попаданцах» в советское прошлое на фоне блеклости и бедности быта, жесткости идеологической системы раскрывается концепция счастливого детства, ощущается ностальгия авторов. У Т. Крюковой советская эпоха — безопасное, радостное время: в школе нет охранника, и слово террорист относится в сознании детей и учителей только к заграничной реальности, даже незнакомые люди не оставят в беде (незнакомый взрослый на улице проявит участие, если его попросить о помощи).

Повторимся, что желание восстановить образ своего детства и передать свои воспоминания новым поколениям выходит на первый план. Наиболее системно формирует представление о детской субкультуре А. Ремиз. Детский санаторий, в который попала Маруся, наполнен множеством деталей, которые известны советским детям, но совершенно непонятны «попаданцу»: наказания или ограничения детей в госучреждении (запрет посещать туалет во время сон-часа, ночью, стояние «на ковре» и т. д.), круг детского чтения (Кир Булычѳев, А. Гайдар), девичьи тетради, сплетенные из трубочек капельниц человечки, подростковый сленг («зыкю», «шуба»), страшилки перед сном, закопанные в землю «секретики», конфеты «ириски» и «раковые шейки», подвижные игры с описанием их правил (пионербол, «Али-Баба») и пр. Кстати, обнаруживается и общее (поговорки, фразы, произносимые взрослыми; фильмы и мультфильмы советской эпохи, которые Маруся смотрела с родителями) — то, на основе чего формируется единый культурный код разных поколений.

Путешествие во времени позволяет центральным героям повестей понять, что есть преходящее (бытовое, социальное, историческое), а есть вечное. Вечен выбор каждого человека между добром и злом, своими интересами и интересами других людей, между трусливым соглашением и мужеством отстаивания своих идеалов или хотя бы своего мнения. Изменение обстоятельств как раз и помогает отстраненно посмотреть на свою жизнь, обрести ценности и идеалы и воспринять их как точки опоры.

Во взаимодействии с людьми прошлого герои преодолевают трудности, проходят этапы взросления, постигают вечные ценности, значимые в любом времени и пространстве (милосердие, дружба, взаимовыручка, любовь). Несмотря на то, что тезаурус советской эпохи не «переводится» полностью для понимания современными подростками, эти повести дают художественный образ детства 1980-х гг., способствуют установлению связи между поколениями, заполнению культурно-исторических лакун в памяти и сознании современных подростков. Через опыт погружения персонажей — сверстников читателей — в хронотоп советского прошлого создаются предпосылки для понимания опыта предыдущих поколений, формирования общей культурно-исторической памяти.

Литература

1. Багдасарян О. Ю. Память второго поколения и работа с прошлым в современной детской литературе // Политическая лингвистика. 2019. № 6(78). С. 132–138. Текст: непосредственный.

2. Белохвостик Н. Белорусские писатели Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак: «Книги пишем по законам физики». URL: <https://www.kp.ru/daily/24376/558113/> (дата обращения: 22.11.2023). Текст: электронный.
3. Галина М. Вернуться и переменить. Альтернативная история России как отражение травматических точек массового сознания постсоветского человека // Новое литературное обозрение. 2017. № 4(146). С. 258–271. Текст: непосредственный.
4. Жвалевский А., Пастернак Е. Время всегда хорошее: повесть. Москва: Время, 2001. 240 с. Текст: непосредственный.
5. Иващенко Н. С. Попаданчество как межкультурное взаимодействие // Terra культура. 2017. № 6. URL: http://terra.lgaki.info/generation_p/popadanchestvo-kak-mezhkulturnoe-vzaimodeystvie.html (дата обращения: 03.01.2024). Текст: электронный.
6. Королев К. Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре: славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. 376 с. Текст: непосредственный.
7. Крюкова Т. Повторение пройденного: юмористическая повесть. Москва: Аквилегия-М, 2017. 256 с. Текст: непосредственный.
8. Лобин А. Повествовательное пространство и магистральный сюжет современного историко-фантастического романа. Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2008. 132 с. Текст: непосредственный.
9. Новохатский Д. В. Спасти прошлое: хронокоррекция в русской литературе. Milano: Criteion, сор, 2023. 330 с. Текст: непосредственный.
10. Ремиз А. Кошка с Юпитера и позвоночные. Москва: БерИнга, 2018. 168с. Текст: непосредственный.
11. Фишман Л. Мы попали // Дружба народов. 2010. № 4. С. 200–208. Текст: непосредственный.
12. Фрумкин К. Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 17–28. Текст: непосредственный.
13. Хирш М. Что такое постпамять / перевод К. Харланова. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (дата обращения: 12.08.2023). Текст: электронный.
14. Холостова Т. Время и литература (вступительная статья) // Козырева М. Девочка перед дверью. Ленинград: Детская литература, 1990. С. 3–13. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 07.03.2024.

SCHOOL FANTASTIC STORIES ABOUT "TIME TRAVELERS" INTO THE SOVIET PAST: THE SPECIFICS OF CULTURAL-HISTORICAL MEMORY

Marina I. Lomakina
Research Assistant,
Tomsk State Pedagogical University
60 Kiyevskaya St., 634061 Tomsk, Russia
hfsdg@rambler.ru

Yelena A. Poleva
Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Tomsk State Pedagogical University
60 Kiyevskaya St., 634061 Tomsk, Russia
tspu-litera@yandex.ru

Abstract. The article presents a selection of fictional works from the beginning of the 21st century that correspond to the main characteristics of the genre of fantastic school stories about "time travelers" into the Soviet past. These works allow for the analysis of various aspects of memory in the authors and "post-memory" (M. Hirsch) in the young characters of the stories. The ways in which the authors' cultural-historical memory is manifested in the novellas by T. Kryukova, A. Zhvaleyevsky, E. Pasternak, A. Remiz include the speech characteristics of the characters, including the use of Soviet-era terms, the emotional modality of depicting social behavior norms accepted in Soviet society in the 1980s, characterization of material and technical culture (clothing, objects, means of communication, etc.), social and geopolitical contexts. The analysis of the novellas has allowed us to establish that all authors combine two principles in depicting epochs: contrast and parallelism. Stereotypes and features of historical periods (the 1980s and the 2000s) are highlighted in contrast, as well as the differences between children in contemporary Russia and the Soviet Union. Parallelism is associated with the manifestation of eternal humanistic values (friendship, compassion, mutual assistance, justice) in the behavior of the characters, which are maintained in different historical and socio-cultural contexts and serve as a basis for building relationships and self-determination for teenage characters.

Keywords: memory, post-memory, Soviet past, "time travelers," cultural-historical conception of time, fantastic school story, contemporary children's literature.

For citation

Lomakina M. I., Poleva Ye. A. School Fantastic Stories about "Time Travelers" into the Soviet Past: The Specifics of Cultural-Historical Memory. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2024; 1: 63–71 (in Russ).

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 07.03.2024.